Нами установлено, что русские и немецкие пословицы и поговорки с компонентом «голова» оценочно ассиметричны по отношению друг к другу. Пословицы и поговорки русского языка, включающие в себя данный соматизм, значительно чаще получают отрицательную оценку, нежели языковые единицы немецкого языка. Это касается и оценки отдельных соматизмов в составе пословиц и поговорок.

1. Аникин В. П. Русские пословицы и поговорки. М., 1988.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах. М., 1998.
3. Жигулев А. М. Русские народные пословицы и поговорки. Устинов, 1986.
4. Зимин В. И, Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. Объяснительный словарь. М.: Сюита, 1996. 544с.
5. Круглов Ю. Г. Русские народные загадки, пословицы, поговорки. М., 1990.
6. Мазалова Н. Е. Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: КНОРУС, 2001. 185 с.
7. Мальцева Д. Г. Германия: страна и язык. Landeskunde durch die Sprache: Лингвострановедческий словарь / Д. Г. Мальцева. 2-е изд., испр. и доп. М.: ООО Издательство «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. 416 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. И. Ю. Шведовой. М.: Рус. Яз., 1991. 922с.
9. Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост., авт. предисл. и коммент. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. М.: Современник, 1986. 512 с.
10. Соболев А. И. Русские пословицы и поговорки. М., 1983.
11. Wander K. F. W. Deutsches Sprichwörter-Lexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk / K. F. W. Wander. Band 1, 2, 3, 4, 5. Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt, 1964. [W]

Жунусова А.К., Дружинина Н.В.

Фразеологические единицы неродственных языков

*РГП на ПХВ «Карагандинский государственный индустриальный университет»
(Казахстан, Темиртай)*

doi: 10.18411/lj-05-2020-159

idsp: ljjournal-05-2020-159

Аннотация

В данной статье рассматривается сравнение фразеологических единиц на трех языках: немецком, русском и казахском. Фразеологизмы каждого языка составляют определенные трудности при межкультурной коммуникации, т.к. они отражают реалии национальной истории и культуры и не совсем понятны представителям других стран и культур.

Использование методов когнитивной лингвистики доказывает единство и параллелизм во фразеологических системах разных языков.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, фразеологические единицы, когнитивная лингвистика, языковая картина мира, национально-культурная маркированность.

Abstract

This article discusses the comparison of phraseological units in three languages: German, Russian and Kazakh. The phraseological units of each language constitute certain difficulties in intercultural communication, as they reflect the realities of national history and culture and are not entirely understood by representatives of other countries and cultures.

Using the methods of cognitive linguistics proves the unity and parallelism in phraseological systems of different languages.

Keywords: intercultural communication, phraseological units, cognitive linguistics, linguistic picture of the world, national-cultural marking.

Глобализация мира, повальное овладение иностранными языками, полинациональный состав населения большинства государств, дифференциация общества на самые разнообразные слои, группы и т.д. со всей остротой ставят в центр внимания общественности и гуманитарных наук исключительно важную проблему – межкультурную коммуникацию. Можно с уверенностью сказать, что познание и систематизация лингвистических, когнитивных, психологических, коммуникативных, ценностно-оценочных и других основ и закономерностей межкультурной коммуникации положительно повлияет на разработку стратегии международного сотрудничества и межэтнических отношений. В том, что последние могут неожиданно, в любой момент взорваться, в том числе и из-за несоблюдения дипломатии и этики межэтнического общения, ни для кого не секрет.

Среди множества факторов, осложняющих взаимопонимание участников коммуникативного интеракта или межэтнического общения, особое место занимают ФЕ. Оно и понятна, ведь в процесс фразеологизации втягиваются в большинстве своем словосочетания, которые отражают реалии и факты национальной истории, культуры, особенности образа жизни того или иного народа, а потому и мало или совсем непонятные представителям других стран и культур. Вот почему при обучении иностранным языкам и в актах межкультурной коммуникации так необходим модуль фоновых знаний [1,2]. Действительно, для представителей многих народов России и центрально-азиатского региона странным и непонятным представляется образ, внутренняя форма ФЕ немецкого языка *an jmdm ist Hopfen und Malz verloren* – букв. "на ком-то пропали хмель и солод" с актуальным фразеологическим значением "он неисправим". В равной мере странными и вне сферы их чувствительности оказываются для людей из европейских стран образные основы таких ФЕ как "медведь на ухо наступил" или "кой аузынан шоп алмайды" – букв. "он не возьмет из рта овцы и соломинки", актуальное фразеологическое значение «он безобиден». Идиотичность семантики ФЕ разных языков сохраняет свою релевантность даже и в том случае, если они построены на базе обозначения одного и того же явления действительности с той же социальной значимостью. Возьмем, например, такой артефакт, который определяется как "жировое вещество, приготовляемое из веществ животного, растительного происхождения" и ФЕ, в структуре которых этот концепт является базовым – в немецком языке: *jmdm faellt die Butter vom Brot* – букв. "у кого-то падает масло с хлеба", фразеологическое значение "кто-то разочарован". *Butter auf dem Kopf haben* – букв. «иметь масло на голове» фразеологическое значение «иметь угрызения совести», в русском языке: "подливать масла в огонь", "как сыр в масле кататься", "чепуха на постном масле", в казахском языке: "қозін май басты" – букв. "его глаза застланы маслом", фразеологическое значение – "он зажирел", "он зазнался"; "майдай жакты" – букв. "как масло пошло на пользу", фразеологическое значение – "ему это понравилось" – "ему это льстит". Примеры подобного рода могут навести на мысль, что во фразеологическом корпусе неродственных языков абсолютно доминирует идиотичность и поэтому при использовании ФЕ в межкультурной коммуникации могут возникнуть серьезные проблемы.

В действительности это не совсем так, поскольку и для процесса первичной фразеологизации релевантны такие универсальные факторы общности в семантике различных языков как единство материального мира и закономерностей его развития, общности количества и качества органов чувств, законов идеализации чувственных данных, логики человеческого мышления, функций языка и т.д. [2]. К фундаментальным источникам и способам создания общего момента во фразеологическом фонде неродственных языков следует отнести такие процессы в языке как заимствование ФЕ прямо или опосредованно, из различных языков, интернационализация ФЕ и не в последнюю очередь независимое возникновение фразеологических параллелей в отдельных языках [3,4]. Моменты изоморфизма в

семантике ФЕ неродственных языков обнаруживаются и посредством сравнительного анализа фрагментов картины мира, концептуализированных с помощью ФЕ различных языков, т.е. при ономастическом подходе к исследованию фразеологии. В современной теории фразеологии говорят в связи с этим о фразеологической картине мира [5].

Обращение в теории фразеологии к концепции языковой картины мира, введенной в лингвистику немецким ученым Лео Вайсгербером [6], воспринявшим и подвергшим дальнейшему развитию идеи Вильгельма фон Гумбольдта о языковом видении мира, созидательной и воздействующей энергии, силы языка [6], объясняется эвристическим потенциалом этой концепции. Ее значимость подкрепляется еще и тем, что в концепции языковой картины мира усматриваются основные моменты и способности когнитивной лингвистики. В пользу такой точки зрения говорят такие аргументы, что Лео Вайсгербер выступает против использования в лингвистической науке понятия языкового значения, он ратует за "функционально" - концептообразующий подход к исследованию языковых явлений [8], его языковая картина мира понимается как сокровище знаний, понятий и форм мышления; убеждений и оценок [9], формируемая родным языком.

Эти идеи звучат в унисон с постулатами когнитивной лингвистики в том смысле, что для производства и восприятия высказываний, нормального функционирования языка необходим не только модуль лингвистических знаний (грамматики языка, значений слов, правил синтагматики, организаций предложений, текста и т.д.), но и модуль знаний об объективной действительности. Поскольку язык носитель всего того, что познал и оценил человек об окружающем его мире и тем самым знания, когнитивно-концептуальные структуры онтологизированы в каждом отдельном языке, то и формирование языковой картины мира производится с опорой на когнитивно-концептуальные сущности. В итоге языковая картина мира получает в современной лингвистике когнитивно-ориентированное определение, в частности, как совокупность заложенных в языке представлений, знаний, которые имеют носители соответствующего языка об объективном мире [5].

Использование когнитивной модели и концепции языковой картины мира при исследовании фразеологии представляется правомерным прежде всего потому, что тем самым возможность более полно и адекватно отразить и описать содержание ФЕ чем это достигается традиционными методами анализа их семантики. В когнитивной лингвистике значение расценивается как лингвистический конструкт, не обладающим антологическим статусом. С позиции когнитивной лингвистики, когнитивной теории метафоры, концепции языковой картины мира язык – это прежде всего инструмент концептообразования, превращения предметов и явлений действительности в достояние и собственность духа, языкового сознания [8]. Так, например, в терминах когнитивной лингвистики следует признать, что слово Kopf – "голова" обладает не разными значениями, такими как "голова человека", "голова поезда", "голова очереди" и т.д., а содержит такую структуру репрезентации знаний как фрейм, в котором обнаруживаются общие представления о понятии "голова". Фрейм имеет разные моменты, стороны, связи своей сущности и организации, одной из которых он представляется в каждом акте коммуникации. В традиционной лингвистике такие факты расцениваются как лексико-семантическое варьирование или вариативность семантического инварианта. В когнитивной лингвистике говорят о модификации исходного фрейма, в результате проводимых и каждом конкретном акте речи определенных когнитивных процедур, преобразований [8]. Так, например, формирование семантики ФЕ ein weisser Rabe "белая ворона" объясняется традиционно как образное переосмысление деривационной базы ФЕ или как семантический сдвиг в компонентном составе ФЕ. Когнитивная фразеология поступает иначе, объясняя, что знание того, что вороны по цвету обычно черные, а нечерная ворона – явление необычное, тем более, если производится контрастная замена цвета в соответствующем

слоге фрейма, то перенос исходного фрейма "ворона" на целевой фрейм "человек" приводит к формированию актуального содержания ФЕ необычный человек. Так, по всей видимости, мыслил и действовал первый автор этой ФЕ, создавая целевой концепт.

Исследование ФЕ неродственных языков в пределах определенного семантического поля показывает, что в некоторых из них между ФЕ превалирует общность очень высокой степени, а национально-культурная маркированность семантики ФЕ минимальна. Одним из них является семантическое поле "страха". Анализ семантики ФЕ этого поля однозначно говорит о том, что представления, знания различных народов о реакции организма на страх практически одинаковые. Это выражается в том, что ими используются одни и те же или близкие образы, структуры репрезентаций знаний, представлений, ассоциаций для формирования семантики ФЕ. В самом общем виде они сводятся к следующим.

1. Представление, знание о реакции волос на голове человека на сильный страх, в немецком языке - *jmdm stehen die Haare zu Berge*, в русском точно также "волосы встали дыбом", в казахском точно также "шашім тік турді".
2. Представление, знание реакции желудочно-кишечного тракта на сильный страх, в немецком *sich in die Hosen machen*, точно также в русском "наложить в штаны", точно также в казахском "бутына тышты".
3. Представление, знание об аналогичной реакции одних и тех же органов, частей тела человека на страх, в немецком *jmdm. blieb das Herz stehen*, точно также в русском "у кого-то от страха чуть сердце не остановилось", точно также в казахском "жүрегім тоқтай жаздады/жүрек калмады".
4. Представление, знание об ослаблении организма как своего рода реакции на страх, в немецком *jmdm. werden die Knien weich*, то же самое в русском "коленки дрожат/подгибаются, аналогично в казахском, кол аяғым дірілдеді букв, руки и ноги затряслись.
5. Представление, знание о понижении температуры тела от страха, ассоциации страха с холодом, с застывшим состоянием человека, в немецком *es ueberlaeuft mich kalt* – букв., "холод прошел по телу", в русском языке на этой базе знаний и ассоциаций имеется несколько ФЕ, отражающих реакцию организма на страх, например, "страх леденит кровь/сердце", "кровь стынет/леденеет в жилах", "мороз по коже прошел"; в казахском "тобесінен суық су қуып жібергендей болды" – букв. ему словно холодную воду налили на голову.
6. Представление, знание о том, что страх может вызвать у людей сильное потовыделение, например, в немецком *Blut und Wasser schwitzen* – букв., "потеть кровью и водой"; в русском "холодный пот прошиб", в казахском тоже самое "қара терге тустім" – букв., "черный пот прошиб".

Примеры фразеологических параллелей здесь можно бы, конечно, продолжить. Однако предложенная типология представлений и знаний и приведенные примеры достаточны для того, чтобы увидеть и показать некоторые особенности фразеологической картины мира. Среди них следует указать прежде всего на её антропоцентричность. В некоторых случаях говорят об антропоцентричности фразеологии вообще и в частности о ее двойной антропоцентричности [10]. Во фразеологической картине мира характеристика и оценка человека производится в образно-экспрессивной и субъективно-оценочной форме. И, наконец, фразеологическая картина мира обнаруживает свою специфику и в основе своего представления Дело в том, что человек предстает, как известно, как носитель одновременно различных типов представлений, знаний, образов, убеждений о мире - донаучных, мифологических, религиозных, обыденных, практических, из личного опыта, научных и т.д. Поэтому в

лингвистической науке ставится задача разработки и создания различных типов словарей-тезаурусов.

Во фразеологической картине мира имеет место своя интерпретация объективной действительности. Как показывает избранный нами фрагмент картины мира, концептуализированный средствами фразеологии, она базируется на обыденных ненаучных представлениях и знаниях человека об объективном мире и образно-оценочном подходе к миру. И поэтому здесь следует говорить о субъективно-оценочной картине мира. Но фразеологическая система языка, как известно, в структурно-семантическом и функционально-семантическом отношениях отнюдь неоднородна. Тем самым совсем не исключена возможность научной интерпретации мира средствами фразеологии.

Итак, проанализированный материал позволяет сделать, на наш взгляд, следующие выводы:

1. Регулярной сферой концептуального освоения мира фразеологией неродственных языков является область чувств и эмоций.
2. Фразеологическая картина мира базируется на обыденных, ненаучных представлениях и знаниях о мире и является по сути своей образно-экспрессивной, субъективно-оценочной интерпретацией мира.
3. Самобытность, идиоэтничность фразеологии каждого отдельного языка – объективный факт. Однако в некоторых фрагментах фразеологической картины мира фразеологический фонд неродственных языков обнаруживает существенные моменты общности, причем последние имеют тенденцию к нарастанию.

1. Карлинский А.Е. Лингвострановедческий принцип методики обучения иностранным языкам// Материалы международной научно-методической конференции "Язык и культура: лингводидактический аспект". Алматы, 1998.
2. Комаров А.П. К природе общего и особенного в семантике языков// Национально-культурная ориентация при обучении иностранным языкам в вузе. Бишкек, 1991.
3. Солодухо Э.М. Вопросы сопоставительного изучения заимствований фразеологии. Казань, 1977.
4. Есимжанова М.Р. Межъязыковые фразеологические соответствия. Автореф.канд. дисс., Алматы, 1998.
5. Helbrig Gerhard. Geschichte der neueren Sprachwissenschaft, Leipzig 1970.
6. Sprache – Bewusstsein – Tätigkeit. Zur Sprachkonzeption von Wilhelm von Humboldts, Berlin 1986.
7. Кривонос А.Т. Слово и мысль. Вопросы взаимодействия языка и мышления. Москва; Нью-Йорк: Авторское издание, 2017. — 548 с. — ISBN 978-5-4465-1451-9.
8. Радченко О.А. Язык как мироздание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Т. 1-2. М., Метатекст, 1977
9. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж, 1972.
10. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. М., 1980.

Исянгулова Г.А.

Особенности перевода фразеологизмов с башкирского на русский язык (на примере трилогии З.Биишевой «К свету»)

*Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-05-2020-160

idsp: ljjournal-05-2020-160

Аннотация

В данной статье рассмотрены основные способы и приёмы перевода фразеологизмов с башкирского на русский язык на примере трилогии З.Биишевой «К свету». Как видно из многочисленных примеров, в различных ситуациях могут потребоваться разные подходы. Но основная роль здесь принадлежит личности самого